

18+

Сергей Семёркин

Когда факс приходит не вовремя

Сергей Семеркин

Когда факс приходит не вовремя

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Семеркин С. В.

Когда факс приходит не вовремя / С. В. Семеркин — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Жизнь мелкого злодея кардинально меняется, когда ему приходит факс из банка «Икс-ком». А дальше будет немного секса, много смерти, мести, насилия, снова смерти, галлюцинаций и... В оформление обложки использована фотография автора.

Содержание

Когда	5
факс	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Когда

– Факс, – произнесла и стоит, ждет, когда я бумаженцию из ее изящных ручек своими клешнями загребу.

Я давно привык к тому, что Машутка на работе обходится без личных местоимений, но теперь она стала исполнять свои обязанности и вовсе без глаголов, ладно, можно сказать безликое "факс пришел", но как ни крути тенденция – ускользает секретарша от мучительного выбора между ты-вы. Вроде на работе – значит, как к начальству – должна на "вы". Но конец рабочего дня, да и наши отношения давным-давно предполагают интимное "ты". А нет глаголов – нет и терзаний по поводу обращения. Хотя, трудно представить терзающуюся Машутку. Она совершенно не подходит по типуажу на главную роль для "Плача Ярославны".

Когда "факс" нашел меня, я находился в позе раскорячки. Нет не физически – тело стояло вполне нормально на двух ногах, и даже перебирало ими, что чаще всего обозначают глаголом "ходить". Дались мне эти глаголы! Я был на полпути между столом-окном-шкафом (в биссектрисе углов или междометии ландшафта). Так что непонятно куда я шел и откуда. Дас... я был в раскорячке метафизически, душевно, мысленно, короче в той тонкой области, которая совершенно не важна для моих ген-хромосом, но попробуйте-ка без нее совсем? Или тяжело, или никак. А в раздумьях я был потому, что мое прошлое настолько отягощало мое будущее, что надо было либо стирать историю, либо стираться. Последний глагол мне не нравился, а предпоследний устраивал, но не устраивал сам процесс. Опять суета, опять напрягаться, опять нельзя спокойно погулять между тремя соснами шкаф-ом-окн-ом-стол-ом. Ом! – на выдохе, звонко.

Беру я в руки факс и краем глаза зырю на часы (вообще-то моветон, конечно, жаргон употреблять, но такой фактурностью и сладкостью веет от слова "зырю", что можно закрыть глаза на область литературно высоких слогов). На часах шесть часов вечера. День мирный и только потом рабочий.

Факс из банка "Икс-ком". Существенная бумаженция. Отвечать по этикету следует немедленно. Это не добавляет свободы, а она так необходима существу, находящемуся в позе раскорячка внутри бутонного блока, который никогда не раскроется – проржавелая арматура бетона помешает бутону осуществить свое предназначенье и в этом заключена ее бетонная сущность. Блок же реальный (в смысле метафизический) состоит из оков желаний-характера-привычек-склонностей, а они гораздо прочнее алмаза и не такие хрупкие как титан. Наметанный глаз замечает, что номер факса-отправителя заканчивается на три шестерки. Мозг любезно подгребает ворох дополнительной информации: сегодня шестое июня. Пазл складывается. 06.06 плюс 6 часов вечера. Дотоши и зануды скажут 18:00, но пусть сами ищут цифру 18 на старинных часах работы неизвестного мастера (выдававшего себя многие лета тому назад за одного известного мастера, который умер еще раньше), что стоят у меня около стенки левой – если смотреть со стороны двери в сторону окна – и совсем не стоят в смысле миротиканья – ходят исправно и даже точно (секунды плюс-минус меня не интересуют). И как они найдут 18 на двенадцатисекторном циферблате, интересно мне знать? Обманул – мне не интересны дотоши и зануды. Итак три шестерки времени складываются с тремя последними цифрами телефона, с которого факс отправлен, это еще три шестерки, в итоге мы имеем шестиряцу полную – шесть шестерок. Мне бы как мелкому злодею (определение одной из моих любовниц, которая вовремя сделала правильный выбор, бросила меня и вышла замуж за одного олигарха, которого вскорости выслали из страны, а кое-какое имущество осталось – разумеется, на жену, на жену записанное) порадоваться. Ведь пахнет большими деньгами. Ан нет – полное отторжения будущего, связанного с факсом, на всех фронтах.

– Машутка, радость не только моя, отбей-ка этим кексам ответ, гласящий следующие: мне надо посоветоваться с ведьмой. Только дословно без отсебятины и сглаживания выражений и отдельных слов. Мне надо посоветоваться с ведьмой.

Машутка, не смотря на наличия таких достоинств, что можно и не работать, все-таки отличная секретарша – выполнила всё точно, быстро и – самое главное – без лишних вопросов. При этом не поломала маникюр (сегодня черный с белыми черепами – не у одного меня светлый период в жизни) и подняла лишь бровь – ну должна же была она проявить хоть какую-то реакцию на случившееся обыкновенное чудо (настоящих чудес мы, смертные, творить не умеем, вот и приходится раскрашивать парадоксами пустую действительность лишь чудесами обыкновенными).

Мне очень хотелось секса. Но я видел: Машутке не до этого. Посему я ее отпустил и остался в офисе один. Секс дело добровольное, а те уроды, что пользуются служебным положением для взаимности, пусть так уродами и остаются. Мне до них дела нет. Мою голову было и без уродов чем занять. Во-первых, меня щекотал вопросец – через сколько начнут давить? Во-вторых – и в главных, – почему я поступит так, хотя должен поступить эдак. Но не просто должен, ДОЛЖЕН ДОЛДЖЕН, Д-О-Л-Ж-Е-Н и далее по иерархии вверх, а всей своей жизнью логично и без вопросов просто и легко я всенепременно (вот тут опять всплывает слово "должен", хотя и не должен) ...согласиться на чашечку чая с Бергом (серый кардинал в "Икс-коме", для общения с нашей элитой у них есть вице-президент, для общения с не нашей элитой – президент, но это так зиц-председатели, главный там Берг). И так это в тему, так выгодно... и так тупо, тупее е2-е4. И куколка должна дернуться вот так, а не иначе. Жаль нет зеркала, чтобы увидеть усмешку этой куколки... Офисный телефон зазвонил. Но рабочий день закончился давно и я позволил себе не подойти (сотовый почему-то отключился – и мои шаловливые пальцы тут совершенно не причем – он об уголок стола болезный кнопочкой "выкл" нажался – какое мягкое словечко). Ведь и факс, раз уж так бегают тараканы в голове – можно было сегодня не принимать. Отложить до завтра. Завтра шестерок бы не было. Но ведь я не верю в приметы. Я знаю, что нам подают знаки. А уж видим мы их, или нет – сугубо наши сексуальные проблемы. Число 6 как таковое в моей жизни никакой роли не играет. Просто я знаю, что сумма числе на рулетке 666 – и значит прибыль с них получает всегда казино (посетители, ау!) Вот и факс этот – сулил прибыль тем, кто согласится попить чайку на фуршете по случаю чего-то там. Возражения у меня есть? Никак нет. Дни можно вообще за значимое не считать. Сами людишки делят время на отрезки. С каких это пор июль стал июлем, а? А до римлян он как назывался? Но всё это было не важно. Шестерки не подействовали своей шестеростостью (или шестиричностью?) Их просто было слишком много для этого сентиментального дня.

А почему расчувствовался такой циник (слов "как я" тут не будет – уж больно смахивает на какую, а там и до каки недалеко – а у нас чтиво серьезное) не понять, не погрузившись в прошлое.

Прошлое. Утро.

Я поехал в метро. Просто сесть в "мэ-мэ-рс" за руль или плюхнуться на заднее сиденье, отдав свою жизнь в руки профессионального водителя – нет, это было бы не то. Не соответствовало это моему настрою (позиция раскорячка, только не такая глубокая – мы же теперь в будущем по отношению к настоящему – для нас прошлому, так что позы раскорячки видим в перспективе их разворачивания). И я двинул на работу в метро. С пересадками. С чудными спусками и подъемами по эскалаторам. Разумеется, раствориться в массе не получилось. Слишком я не такой, какие они. Я Бендер с чемоданом, я с чемоданом Винсент Вега (что вам ближе как метафора киношка иль лит-ра?) Я дышу не тем атмосферным столбом и читаю в туалете не те книжки.

Что делала она на этой линии?

Что делали на этой линии твари?

Что на этой линии делал я? (мне было в другую сторону)

Наверное, просто жили.

У нее были потрясающие глаза. Таких глаз я ни у кого не видел. Я не влюбился, конечно. Потому что уже давно не влюбляюсь. Но оценил (не стоимость, а необычность). Все удается подправить современной хирургией – грудь, ягодицы, кожу выбелить, волосы осветлить (или наоборот), здесь подтянуть, там добавить, тут выпрямить, а тут согнуть и проредить (допустим, бровей дугу), тут закачать силикон, там жир отсосать. Да, и цвет глаз можно изменить. Но не то, что притягивает, завораживает и топит вас. Быть может, через тыщу лет, клонирование или генетика научатся возвращать вот это самое. Не описать – слаб я, или слаб язык вообще? Из под черных очков я три остановки наблюдал за этими глазами. Всё остальное – в меру симпатичное. Но глаза! Иной раз они скользили по мне. Но не надолго. Подумаешь обычный человек в костюме сером. Руки в брюки. Расслаблено полулежит-полусидит на сиденье. Ничего особенного. Я не красив и не уродлив, я не вызываю и не харизматичен, я не крикливо одеваюсь и не эпатирую, я не ношу галстука, чтобы совсем не стать белым воротничком, но и не хожу в металле или джинсе. Как-никак костюм – это та самая непримечательность, которой и должен обладать мелкий злодей. Чтобы жить. Великие злодеи могут себе позволить маленькие слабости, а мелкие почему-то ударяются часто в крупные глупости. Уж вешать золото на шею – так слиток целый. Вот уроды...

Такие же как эти. Зашли они шумно – чтобы слышали. Вели себя отвязно – чтобы видели. Ругались матом – чтобы помнили. Плевались – чтобы оставить после себя хоть что-то. Из всех жертв сначала они выбрали какого-то забитого жизнью мужичка, у которого смяли газету – рассчитался здесь, понимаешь, мудило (их формулировка, сильно эвфемизированная – не про изношу бранных слов и даже их не думаю – плохие мысли рожают плохие слова, которые естественно приводят к плохим поступкам – а оно мне надо? я хочу делать и добро – редко, и зло – часто одинаково хорошо – плохо оно само собой получится). А потом увидели ее. Она их не боялась. И это уже резало им яйца. Эти фантастичные глаза не уважают их? Как так?

Добрый герой спас бы ее. Классика.

Но я не добрый, я злодей. Мелкий. Поэтому я спас их. От моего гнева. Ведь если бы они хоть что-то сделали в разрез с моим желанием лицеизреть эти непередаваемо-словесно-красивые глаза. Я мог бы не справиться со своими эмоциями. Мог бы чуть крутануть кармические колеса, так чтобы шины завизжали... А ведь утопив газ можно в следующей жизни родится снова человеком. Ну уж дудки (или кнопки – равновеликие по своей детскости слова, что-то в них есть, хотя... кнопка – она когда одна детская, когда их много – уже клавиатура, тут от детства ничего не остается, надо быть точным). Человеком – это мы уже проходили. Надо от простого к сложному. Туда, куда я пока не знаю. Короче, лучше нанести точечный удар или прикрепить куда надо пиявку, чем потом ровнять всё ядерным под фундамент или заказывать оркестр на похороны.

Пистолет и напор всегда действуют лучше, чем просто напор, или просто пистолет. Когда тебе угрожают – ты еще можешь юлить, можешь строить планы, можешь дискутировать, можешь саботировать, можешь играть в игры, или обращаться к людям, которые играют в игры. Когда тебе стволом ломают височную кость – тут сразу склоняешься к приемлемому компромиссу. В итоге уроды вышли из вагона на станции, которая любезно и быстро вынырнула из темноты к вящей радости уродов. Они уже через одного вытирали кровь (скорее размазывали – платков у них не имелось в наличии).

– Когда захочешь сделать что-то злое – позвони, помогу. Когда захочешь сделать что-то доброе – позвони, помогу мне. Я иногда ломаюсь.

Слишком многое хотелось сказать. Поэтому я и больше ничего и не добавил. Уже переборщил с пустыми словами. Визитку она взяла. Ничего не значащее телодвижение. Я запросто

завтра перемену номер, а послезавтра она потеряет сумочку и... ничего особенно, просто мы можем никогда больше не услышаться. Я постараюсь не плакать – ведь глаза её красивей некуда я уже запомнил – как просто! – и складировал – как банально! – в своей памяти. Когда-нибудь и от этих лыж в кладовке мне предстоит избавиться. Мы слишком многое носим. Хламьё. Но сейчас ничего красивее в мире я не знал. Знал бы создателя – было бы всё по другому. Ну а пока есть так, как есть. И нечего соплями солить сахарок.

Очень много хотелось сказать. И даже познакомиться хотелось. Но мы бежали даже не по одной улице, не то что в одну сторону. Шум дверей и вот я уже тут, а она уже там (или наоборот). Это я вернулся еще раз в прошлое и чуть не попал со временем – не дошагнул до нужной отмашки. Вот и наскочил на мысль повторяющуюся. Точнее ее сестрицу, которая бежит во след своей старшей, почти по тому же кругу. Остановить мыслишка, да вот уже другая родилась.

Что касается оружия. Пушка у меня короткая, с толстым стволом. Пули тупорылые с насечкой. Мне не нужна пробивная сила, я не стреляю через стены или рельсы, я не стреляю в людей, одетых в броники. Я не стреляю далеко. Уж если что-то случилось, требующие оперативного вмешательства невербальных инструментов, то я стреляю в млекопитающих, без панцирной защиты, обычно на расстоянии менее десяти метров, не сбившихся в стаи более пяти особей. Так что мне требуется, чтобы пистолет стрелял, стрелял примерно туда, куда мне надо (плюс-минус пара миллиметров – не принципиально), чтобы когда пуля попадала в непонятливую обезьяну (с человеком всегда можно договориться), эта обезьяна потом уже никаких гримас – кроме, пожалуй, агонизирующих, – не строила, и не делала резких движений, чтобы падала и умирала (или еще лучше: умирала и падала). Всё. А фирма, калибр, сколько патронов в обойме – это уже к фанатам с блеском в глазах. Мой блеск почти всегда скрывают черные очки. Ведь как бывает: то мешки под глазами, то сами глаза красные, то выражения слишком откровенное, для взоров собеседника таится в глубине, то солнце слишком яркое для дна глазного – особенно в июне-июле и вообще летом. Сейчас лето и июнь.

Как различить где уроды, а где мутанты? Очень просто: уроды – это всё равно что отморозки, то есть очень никчемные и рекомендованные к захоронению в крематорий, но все-таки люди, а мутанты – это уже выродки, нелюди, поэтому их не обязательно транспортировать до крематория, можно замочить на месте, а уже останки сжечь. Объединяет их лишь то, что лучше бы этим тварям не размножаться и не портить воздух детей наших.

Когда у меня начались первые сентиментальные настроения. Сначала мягкими лапками без когтей они щекотали и толкали внешнюю оболочку, отделяющую меня от всего остального безумия. Потом тихой сапой прокрались внутрь и обосновались под пламенным мотором. Кто бы сомневался в выборе местечка для проживания? Не в извилинах же путаться. И вот моментами они начинают влиять. Влиять по разному, но в одном генеральном направлении. Очень грамотная стратегия. Они не распыляют силы. Ну а когда я столкнулся, а точнее, пересекся с художницей. Тут уж они выпустили умело запрятанные и не обнаруженные бдительной таможенной коготки. Шел я аллеей парка не особенно ухоженного, что очищал выхлопные газы на юго-западе спального района. Чуть ниже, чем обычно опускал подошвы ботинок (не сильно фирменных, но добротных – ноги в них не потеют и не обрастают мозолями), образовывалось шуршание с листвой. Занятие бестолковое, но настолько воспетое в литературе велико-русской (что в ней великого и что русского – к филологам), что иногда то ли поддаешься на пиар, то ли в редкие моменты классики угадали и попали в точку. Мы все хотим шуршать листвой осенью багряной. Уроды и мутанты не в счет. И вдруг на повороте. Резко. Девчонка с штатетником, пюпитром или как там эта штукенция раскладная зовется на языке профессионалов. И вся погружена. И что-то водит изящно кисточкой по холсту. Делаю вираж, и не приземляюсь, а вешу на малой высоте над посадочной площадкой. Ведь надо как-то мигнуть огнями сигнальными, чтобы аэропорт принял, а не обстрелял ракетами "наши-ваши". Сам знаю какого

излишне надоедливое внимание со стороны, когда работаешь. Помнится на заре юности своей закапывал я в лесу тело одного мутанта, а тут грибник. И нет чтобы обойти, тупо попер на сближение и увидел слишком много. Вот и затих в расширенной яме. С корзиной в руках. Порой, совсем интуиция у людей не работает. Обычные позывные, вроде имени или штампов для знакомства явно не входили в список правильных паролей. Импровизация не импровизировалась, синкопа не запускалась, джаз не начинал чесаться шкурой. Даже интересно стало – во попал! Наклоняю голову в другую сторону и заканчиваю щурится. Методы знатока не катят. Требуется вся ширь глаз и отключение мозга.

Если сравнить то, что росло в парке – а это были деревья -в настоящее время с пожелтевшей листвой, которая большей своей частью уже лежала на землице. И то, что росло на картине. Буйство красок. Крупные мазки. Колор такой яркости, что пробивал даже мои солнцезащитные очки и явно мог освещать землю в темное время суток. То, кажется, сие имеет название импрессионизма. Но ведь я кроме этого длиннющего слова на "и" больше о явлении ничего не знаю. Ну почти не знаю, были Мане и Моне, кто-то раньше, кто-то позже и еще тонкие места в направлении запечатления природы. Ага, а природа-то на картине от жизненной отличается, тогда это же выходит... сюрреализм? Дали и прочие дали и глубины с ним. Вот до чего классификация доводит! Посему не буду хоронить жизнь определениями. Буду жить.

– Извините, что прерываю. Но, может быть, мне сходить для вас за минералкой, – как первая фраза произнесена, так и весь остальной диалог поплывет (не облажался).

– Спасибо, я не хочу пить, – кисточкой она что-то изобразила в мою сторону, наверное, реверанс, а глаза от картины не отвела. И правильно, так и снайпер сначала выстрелит, а уж потом комара раздавит.

– Это для картины. Ее немножко надо остудить, слишком горяча. Опять же пузырьки...

– А что пузырьки?

– Пузырьки не дадут ей замерзнуть и сохранят тепло.

– Тогда сходите.

Я схитрил. Позвонил Борьке (тогда он был еще жив) и объяснил что и где требовалось.

– Так быстрее, – склоняю голову и начинаю шаркать ножкой. Она прыснула.

– Вы похожи на младшего брата Воланда.

– Слишком лестное сравнение. Я, скорее, его племянш.

– Даша, – положила кисть и протянула мне руку.

Так мы и познакомились. Через сорок три минуты ровно, она посмотрела на часы. Я понял, что к ней должен присоединиться и кто это будет. И как неоднократно вспоминал Пятачок в известных детских книгах: я вспомнил, у меня же срочное дело... Кланяюсь и передислоцируюсь. Но ныряю не в авто к Борьке, а взбираюсь на одну из высоток, что так бестолково понатыканы где ни попадя, но это возвышалась в нужном месте. С балкона я лишь убедился в том, что логика порой действует. К Даше на полных парусах примчался бриг под названием "Студент". И они стали обниматься и целоваться.

Вот удивительно: у людей ничего нет, а они счастливы. А мне все что-то хочется на путь встать, куда-то идти, зерна отделять от плевел. И деньги покоя не дают.

Когда у меня будет миллион... такая поганая-поганая мыслишка, гораздо неприятнее Змея Горыныча и во сто крат сильнее. Непрерывность увеличения какой-либо величины наши головы воспринимают с трудом. Нам порядок подавай (не в смысле не хаос, а 10, 100, 1000 – порядок величины). Вот буду миллионером и... как будто что-то изменится. При моем образе жизни до цифры с шестью нулями все время не хватало чуть-чуть. И чем больше я прилагал усилий, тем меньше становилось это чуть-чуть и тем больше надо было прилагать усилий-нервов-времени. Я как та лягушка из парадокса Зенона – никак не мог допрыгать до заветной черты (или черты завета). Нет, если всё, что у меня есть, продать... причем продать не в спешке, а неторопливо, выручая за недвижимую и акции их настоящую цену. Если себя

ограничивать и копить. Миллиона можно было достичь. Но я не привык мучиться ради тараканов в собственной голове. Пусть радуются уже тому, что я их не прихлопнул. А тараканчик "хочу быть миллионером" рос и жирел. Матерел и борзел. А может, это был вообще клоп, и он сосал мою кровь.

Я его прихлопнул, когда погиб Борька. Сначала, я ничего не почувствовал. Ну был человек и нету. Ни одна струна не дрогнула. Видимо, как до жирафа не дошло сразу. А потом сделал кой-какие выводы. И пошел примерно в том же направлении, но другим курсом. Мне стало понятно, что я не большой злодей. Я не могу жертвовать людьми. Они никак не превращаются в пешек. Я не войду в историю, ну и собака сутулая с ней! Пусть будет зарыта без мумифицирования. И стало легче. Всё-таки в собственной клеточке классификации жизненных форм на планете земля, жить легче, чем шастать по клеточкам чужим и экспансировать.

Наверное, когда выйдешь за пределы таблицы классификации, тогда и узнаешь всю правду-матку. Ну а пока продолжаю суетиться, в меру сил, стараюсь минимизировать сей процесс.

Когда начали стрелять, я успел лишь сам факт стрельбы зафиксировать. А Борька вывернул руль. Это спасло меня, но уже не могло спасти его. Стреляли из обгоняющей наш "бумер" "девятки". И посему пули принял Борька, хотя летели они несомненно в меня. А вот с контрольными выстрелами у наемников не заладилось. Я выполз из продырявленной консервной банки и стал палить не шибко метко (ни в кого не попал), но в качестве заградительного огня и такого шума хватило. А Борька завалился на баранку и все вокруг заполнили нескончаемый гудок. Реаниматорщики развели руками. А я сидел на капоте и размышлял. Почему-то думалось о простом. О тачках. Я решил больше не платить фирме БМВ: мне некуда больше спешить, и спортивный стиль ни к чему. Все равно тебя, если надо, догонят и остановят. На чем бы ты не ехал. Но думка завершилась без оргвыводов – на огонек зарулили люди в погонах и меня арестовали. Потому что киллеров они арестовать не могли. В газете появилась моя фотография, фотография мертвого Борьки и множество никчемных слов про бандитские разборки. Трупы, пальба, раскуроченные иномарки – это была модная тема. Тогда. Когда погиб Борька.

С тех пор я стараюсь ездить без шофера. Бизнес вести без помощников. Заниматься сексом без жены. Что касается Машутки, то она же ничего не знает. К ней не придут. Ее не будут пытаться за городом или мучить вопросами у следователя (чуть-чуть не считого). Можно сказать, что мне не хватило порохи преодолеть очередной невидимый глазу рубеж. А может, я свернул правильно, по стрелке.

А вот когда я стал интересоваться жизнью счастливых людей. Когда понял, что как бы не пыжился, у меня не выходит? Или когда в очередной раз "сошел с ума" и окружающие – в который уже раз – стали судачить о моих причудах? Внешним наблюдателям видней, но непонятнее. Мне понятнее, но не видней.

Водка на могиле Борьки не пилаась. Убийцы не находились. Не те, что исполнили – тех-то скоро обнаружили в одном из моргов. Передозировка. Кто-то им помог улететь на волне кайфа в далекое далеко. А вот кто отдал приказ. Я в очередной раз убедился в собственном бессилии. Прожевал и не выплюнул. И немного скис. На рельсы вагонетку моей житухи поставила Даша.

Когда она плача что-то невразумительное голосила в трубку. Когда она плакала у меня на груди. Когда кричала на всю Вселенную, что ей не за чем жить. Я во-первых, высушил ее слезы, во-вторых, согрел ее, в третьих, доставил целый поднос удовольствий. Конечно, всё это не шло ни в какое сравнение с любовью. Но отвлекло. Слезы я высушил опытными и проверенными временем словами-пустышками. Мы хотим услышать то, а не сё и надо говорить именно то, а не сё. Согрел я Дашу своими объятиями и водкой с моей исторической родины – горного аула Казань-сити. Поднос наслаждений состоял из секса, нежного, бесконечно долгого и ни к чему не обязывающего. Потому что дружбы между мужчиной и женщиной не может быть в принципе, мы с Дашей и не стали друзьями. Не любовники мы, потому что нелюбим друг

друга. Не муж и жена, потому что она верит в возможность брака по любви. А я уже не женюсь. Мы скорее просто пассажиры одного и того же самолета. Или автобуса (не так быстро, зато можно свернуть).

Когда я позвонил (куда не следовало, но обязательно надо было)? Всеу своё время. Тем более, что будущее, которое теперь уже прошлое показало: звонил я в нужное время и по редкому теперь в Москве телефон автомату. Мой звонок не отследили. Порой почтовый голубь гораздо полезнее лазерного канала связи. Приколы технического прогресса – все лазеры под контролем, а про голубей забыли.

Когда я явился – с часовым опозданием – в свой офис в понедельник, Машутка уже ждала меня на боевом посту с кипой новостей.

– "Икс-ком" оборвал все телефоны. Помощники депутата Противовсехова оборвали телефоны. Звонила некая Лика и промурлыкала следующее: "где лапа?", потом продублировала это сообщение трижды, что, видимо, для этой манерной барышни не свойственно, так что можно заключить, что и она оборвала телефон. Звонили от генерала каких-то там стратегических войск или генеральных штабов, я когда звездочки на погонах вижу, теряю волю... в курсе? (она опять пропустила местоимение) – Машутка надула губки и стала вспоминать всех ли, кто обрывал провода, она вспомнила.

– Телефонные компании озолотятся, столько километров кабеля нужно будет поменять.

– Как отдых? – ну ведь могла спросить: как отдохнул, или как отдохнули? Вот ведь...

– Машутка, да какой отдых без тебя! Я так соскучился, я сам бы телефоны оборвал, звоня к тебе. Но ведь знаю, муж, ребетенек, да и трубка у меня чего-то барахлит, надо аппарат поменять.

Бухаюсь на колени, Машутка тянется ко мне. Далее ребятки, которые выбрали профессию слухачей наслаждались абсолютно неинформативными охами-вздохами. А то, что офис уже прослушивался, я знал наверняка. Когда люди оборвут телефоны, они начинают использовать радио и другие беспроводные технологии.

В разгар утех не вполне горизонтальных (потому что проходили и на столе и под столом), меня пытались добыть с помощью телефона. Но кто же отвечает на звонки во время секса? Только озабоченные бизнесом кексы. Чтобы не разочаровывать людей на прослушке – в десятых, и в первую очередь ради гармонии полов, оргазмы были повторены многократно. Мебель и более мелкие предметы человеческого обихода пришли в такой беспорядок, что работать в конторе стало абсолютно невозможно.

– Пошли гулять, – два слова были сдобрены десятком поцелуев и наши языки нашли друг друга без звуков-посредников.

– А как же... – договорить Машутка не успела.

Спустя очередной – считайте, ребятки, считайте – акт любви без презерватива (я слежу за здоровьем и уж конечно не заражу семейную женщину ничем, кроме гриппа – но сопливым я не целуюсь) я всё-таки ответил на вопрос:

– Не могу дозвониться до знакомой ведьмы. А без её совета в данном серьезном деле ничего не буду предпринимать.

– Ты мне не рассказывал про ведьму.

– Должны же быть у мужчины какие-то тайны. На прогулке расскажу. Куда пойдём?

– Может, на Чистые пруды. Там нас никто не найдет?

– Быстрее ветра мы помчимся... – нас не нашли на Чистых прудах, потому что нас там не было.

Пока несколько бип-персон писало кипятком от невозможности поймать одного мелкого злодея, я плел ткань своего будущего алиби. Алиби настолько ненадежного, чтобы никто (что значит никто) не смог порвать эту невидимую и неосязаемую материю. Майя рожденная в июне. Это не каламбур, это мой билет на кораблик бумажный "Спасение". Когда вы хотите

сделать алиби не стоит финтить ушами – занимайтесь повседневным. Всё, что делали делайте так же как всегда. Введите только один новый элемент. Но фишка в том заключена, что этот элемент должен быть предусмотрен вами загодя. Гораздо раньше, чем шняга кипеша замутит шнягу... я хотел сказать форс-мажор скрасит сюрр повседневного бытия (губы могут выложить кладку: "бытиё-моё" и сдобрить ее раствором слюны).

Когда я познакомился с ведьмой на казанских двориках стоял февраль. Не морозный, но ветреный, что делало хождение по улицам гораздо менее комфортабельным, чем если бы стояли спокойные и не суетливые деды-морозы. Я покупал треугольники в лотке, что был рядом со "Сказкой" (детское кафе). Почему бы мне не зайти в само кафе и не купить всё то же самое? и не мерзнуть, и не ловить скрюченными пальцами мелочь? почему было не послать за пирожками Аделя? Потому что при выборе треугольников нельзя доверять никому, потому что настроение было пакостное и дела не ладились, потому что хотелось кого-то запинать ногами, а если сидеть в тачке, то никакого повода не найдешь запинать кого-то ногами.

– А у вас шнурок развязался, – сказала мне девчонка с летящими глазами (они с хозяйкой, видимо, предпочитали разные авиакомпании).

Я посмотрел на свои высокие шнуровые ботинки (тогда я предпочитал функциональность удобству – пнешь врага такими и он сразу теряет много пунктов здоровья). То ли она прикалывалась надо мной, то ли одно из двух – шнурки были в порядке.

– А, кажется, я поторопилась, они потом развяжутся.

– Когда потом? – из носа моего выбивалась сопля, щетина мерзла и отказывалась согреть щеки, глаза резали и действительность и ветер – организовались, понимаешь, в одну шайку-лайку.

– Не знаю. Я иногда вижу будущее, – она по прежнему смотрела на шнурки моих ботинок, потом летящие глаза зыркнули на меня, – но вы лучше завяжите.

Я должен был завязать завязанные шнурки. Здравствуй, пое... впрочем, сейчас я уже не употребляю мат. Так я в тот день никого и не поломал. Лишь сам слегка стал сбойть, переведя на компьютерное аргю – глючить. Девчонка легко забурилась в нашу пацановскую компанию, пила водку и не пьянела. Глаза будь сохраняла летящие и всех очаровала. А контингент ведь там кучкавался тогда суровый – могли бы и изнасиловать. Запросто. А за шнурками я с тех пор поглядываю. И ведь действительно иногда развязываются.

Впрочем по настоящему видение ведьмой будущего я проверить не смог. Но это не значит, что она его не видит. Просто я на счет всяких забубенных вещей очень сомневающийся тип. Вот пистолет – штука понятная, сюда нажимаешь и газы начинают расширяться. А проклятия или наговоры, они как-то на меня не особо действуют. Если бы действовали – то давно бы уже знал, есть ли что после смерти.

Когда стране не хватает сверхидеи, это сильно напрягает особо умных и беспокойных. Они начинают вместе думать о разном, потом обзывают друг друга дураками и далее переходят уже на личности, ломают копы и умирают неудовлетворенными и неизвестными. Говорят, человеку, который сформулировал идею для России при жизни поставили бы памятник. В свое время я вдоволь насмотрелся на Ленина. В Казани Владимир Ильич представлен богато и по разному. И его в больших и малых формах не сносят. Он так и воплощает себя в разных материях. А вот с его идеями стало напряженно. Впрочем, если для воплощения идеи в жизнь требуется столько трупов, то я пожалуй обойдусь и без памятника. Но всё-таки скажу. В-первых, надо приучить себя вместо "вау" говорить "ух ты!" Дальше пойдет легче. Вместо двух бутылок водки пить одну. Дальше пойдет легче. Вместо одной бутылки водки пить две... но минералки, или на худой конец вина. Правда столько вина в природе не существует, так что и я родил утопию. Может, по старинке, по шаблону начать формулировать: бей тараканов – спасай свиней (или наоборот). Это понятнее и легче. Особенно, когда есть что залить за глаза.

Ах да, еще надо работать усердно, много и мостить дороги. Нет, правильно сделали, что меня из универа выгнали в свое время.

Когда между тобой и картинкой жизни встает прозрачная водка, то многое меняется. Некоторое понимается легче. Всё остальное не понимается, но колесики под черепушкой крутятся на холостом ходу быстрее, щекочут сильнее и горлышко засасывает внутрь. А дальше просто: или спираль, или алгоритм. Алгоритм простой: мочи его прямо здесь и сейчас. А под рукой кстати оказывается ножичек для колбаски. Плавали знаем.

Когда прячешься от судьбы, пусть она даже воплощена в примитивный факс, груженный шестерками по ватерлинию, нужно полагаться на себя. Только на себя и ни на кого, кроме себя. Ну разве что на добрых людей, которые как известно разбросаны на каждом километре в ненулевом количестве. Вот и доказательство. Даша опоздала на полчаса, но я этого не заметил (часы бы заметили, но у меня их нет, посему глазки иной раз зырили на общаковские, на столбе фигурном). Всю эту встречу мы обнимались и только. У нее было слишком хорошо с парнем. А я же не киборг с вибратором и кредитной карточкой. После Машутки... но не гоже обнимая одну девчонку думать о другой. Только многопроцессорные киборги так поступают, примитивным людишкам оперативки хватает только на одно действие-мысль-образ-обратная-связь-для-контроля. Вообще художницы самые далекие от нормы девчонки, если не считать ведьм, но ведьм я знаю плохо, практически никак. Вот и Даша была далеко не человеком нормальным (не уродом и не мутантом, конечно, но и не человеком, так что при чистке глобальной отправилась бы в огонь, но я бы этого не увидел – утоп в крови раньше). Когда ее волосы разбросаны по подушке, а шейка открыта... Нет, не тогда. Всегда ей присущий большой плюс: она не задает вопросов типа: что происходит в наших отношениях, какие у нас отношения, куда они катятся, кто кого и как сильно любит и любит ли вообще. Очень немногие женщины способны не выяснять отношений. Просто им предаваться. Но сегодня, она чуть отошла от принципа простожития:

– Мне почему-то кажется, что со мной ты ведешь себя не естественно. Как дракон поймавший девственницу и оставивший ее в живых. Ты либо доброе зло, либо им претворяешься, – в ее глазах было столько печали, что хватило бы на целый народ.

Видимо, день сегодня был неудачный. Есть такие дни неудачники, жалкие, никчемные деньки. Зачем они не перелистывают себя в календаре?

– Импрессионисточка моя цветолазочка, ошибочка вышла на полбесконечности. Во-первых, на всеобъемлющее зло я не тяну, пупок не держит давления. Во-вторых, и это главное, наверное, я не претворяюсь добрым и не творю добро по отношению к кому-то вокруг себя. Я поступаю как мне хочется в пределах той свободы, что предлагается путем, что топчут мои ноженьки. Он не вымощен желтым кирпичом, скорее это шоссе в никуда. Поскольку я иду по нему в определенную сторону, то есть с кровью и смертью по пути, я скорее, злодей, чем добродетель, – а еще я печатаю на клавиатуре слепым десятипальцевым методом и могу слагать вирши нетленные и класть их на гусли (не на ноты, а на гусли!)

– Почему-то злодеи особенно хороши в кино. Объемные получаются.

– Это просто. Люди не могут принести в искусство ничего, кроме себя. А праведники, раз уж выбрали пустыни или благотворительность, то их хрен чем заманишь в искусство вообще и в ширпотреб вроде синема в частности. Ну как можно передать экстаз от любви к всевышнему? Кто его из авторов книг или актеров испытал? Вот и выходят праведники пресными. А злодеи, они же понятны, они же изведаны, они пережиты. Друзья есть, знакомые, сами грешим. Вот и выходят из под пера фактурные негодяи. Вот и притягивают. Вот и тебя, создание явно не земное, я притянул.

Она улыбнулась и прижалась своей румяной и гладкой щекой к моей небритой и смуглой щеке. И ничего не сказала больше, чтобы не испортить ту гармонию, которой мы были вместе

(ну для отпетых зануд признаюсь: да любви не было, а значит не было и гармонии, но вас, отпетые зануды, легче на корм рыбкам пустить, чем на корм собачкам).

После мороженого, кино и легкого ужина в ресторане, но до ночных огней и пустых дорог, до ярких огней фонарей и блеклых звезд я опомнился.

– У тебя дома кто-нибудь сегодня зависает?

– Родители уехали и ко мне придет Игорь, а больше виснуть никто не планировал, да и тупить тоже.

– Позвони ему и отмени свиданку.

– А что будет если я этого не сделаю?

– Или ничего, или я его убью.

– И потеряешь меня навсегда.

– Мне не нужна будущая совместная вечность, мне нужно где-то спастись этой ночью.

– У тебя проблемы, уси-пуси, – она поцеловала меня в щеку, даже не поцеловала, а просто ткнулась губами, и это был самый наш сексуальный контакт за встречу.

– Есть маленько, – я улыбнулся хитро.

Кстати, требуется наличие вкуса, чтобы не произносить банальное: нет проблем, есть задачи. Как не назови пулю у себя в голове, а это пуля у тебя в голове. Впрочем, такие тонкости головы обычно не успевают уловить. Только мозгами пораскинуть способны, да затруднить опознание.

И вот потом было кино с плоскими положительными героями и перченными ублюдками. Были звезды, сквозь тернии грязной атмосферы и засветку городскую, были тихие набережные (точнее одна одинокая). Она шла по бордюру (или поребрику) и практически не держалась за мою руку. Безбашенные гонщики пытались задавить не в меру осмелевшего пешехода. Но Даша уносила меня в небеса и спасала от червей земляных. Видели бы ее родители. Дочурка спуталась с злодеем. Будь я ее отцом, то несомненно разрядил бы двустволку (охотничье оружие добрым людям только и доступно), но не дал бы такому хмырю, как я, стать мужем своей дочи. Только такие как я, не бывают отцами таких как... ее ноги оплели меня, руки обезоружили, губы впились и высосали мою вечную душу (место хранения – пятки). Мои пальцы не способны порвать джинсы, но способны вполне сделать ткань не заметной (фантазия дорисует то, что не пришлют органы чувств). В притормозившем около нас моторе, мы почти разделись. Я какие-то деньги бросил водиле, чтобы тот гнал. А вот до квартиры мы не добрались. Благо люди в такое время по лестничным маршам не ходят вверх-вниз, а молодежь по подоконникам не околачивается и песен не орет – время позднее. Я, кажется, говорил о самом сексуальном поцелуи в щечку? Соврал.

Когда наступает утро и кому-то надо идти в универ (Даше), а кому-то на встречу в факсом (мелкому злодею). Кому-то (мы) приходится распадаться на составляющие части. Мы пили крепкий кофе. И снова не было вопросов с ее стороны: почему я с тобой, а не с ним, почему так, а не эдак и что будет дальше. А я не спрашивал себя: убил бы я Игоря, если бы она не позвонила. Иногда лучше пить кофе.

Когда я вышел из подъезда сразу понял – добежался. Обворачивает гаденыш. Как клейкой лентой муху, как мокрыми простынями Швейка, как тошнотой рыжего героя Сартра, меня сжимал и душил факс. Ну что ж, два дня я занимался вынужденной пассивной обороной. Пора переходить к обороне высшего порядка – нападению. Но нападению подготовленному, тщательно спланированному. А не так, как у наших в 1941 – хотели напасть на Гитлера, а параноик ударил раньше. Пришлось расхлёбывать. Но тогда было кому. А у меня-то участок локальный – моего рта единственного может не хватить. Да и в рот не всякое хлебалово примешь.

В туннеле, что является прелюдией к эскалатору, который в свою очередь является либретто к станции метрополитена, притулился баянист. Я прохрустел купюрой ему в шапку и заказал: "Переведи меня через Майдан". Песня стала поливать людской поток, поток безмолв-

ный, а я лишь рядом отдыхал и словно форточку открыл в угарной бани – дышать чуть легче стало. А может, всё дело в вентиляции, которая подогнала к моим трахеями-легким именно тот атмосферный столб, что и был нужен. Песня кончилась и меня принял эскалатор. Но ведь остался еще последний якорь, удерживающий меня в положении раскорячки – карта. По карте метрополитена я мог выбрать линию. Мог. Выбрать. Всё что угодно – билет я проплатил. Куда хочу – туда качу. А вот куда мне надо? Куда я поеду? Два вопроса или одни, или уже три? Меня всегда интересовало, почему некоторые верующие всерьез и надолго рассуждают о единственном, некоторые о единственном в трех лицах, некоторые о единственном во многих формах себя проявляющем, некоторые до сих пор не могут в голове удержать ничего кроме многобожия, а некоторые пытаются верить в то, что раз глаз не видит ничего, то ничего и нету. Нет, никто не подойдет и не направит по нужной ветке. Всё, всё надо делать самому. И я под: "осторожно, двери закрываются" уношусь во время, которое из виртуального будущего становится реальным настоящим. Со всеми остановками. На каждой могу сойти и не схожу. Ну не дурак ли?

факс

Как отличить кексов от перцов? Ну если гастрономически пошутить, то кексы лучше употреблять к чаю, а перцы фаршировать не изюмом, а... кому как больше нравится. Если не шутить, особенно, когда явно не получается, тогда все проще и понятнее: кексы – это рафинированные людишки, уже не тесто, посему с претензиями и формой, но еще и не бублики, и потому часто комплексуют по поводу того, что при них нет дырки, а перцы – это овощи считающие себя приправой, готовые выбить слезу или эмоции и часто попадающие под нож. Кто круче? Это как в детстве – на море сильнее кит, на суше – слон. В суши круче тот, кто в него не попал, то же и для бифштекса. Опять к гастрономии философию свел. Пообедать что ли?

Как раз между первым блюдом (но не просто супчиком, а солянкой), и вторым (я заказал шашлык, побольше лука и специй) меня нашли. Нашли люди, которые сначала послали факс, а потом не обнаружили отклика на свой призыв. Они, конечно, не удивились. Как не удивляется луна, когда во время своей полной фазы – с талией далекой от стандартов и в то же время такой, что дух захватывает у влюбленных и поэтов, – какой-нибудь лунатик не выходит на крышу. Не удивились, но приняли меры, чтобы выяснить. Почему так, а не как всегда? В итоге нашли, нашли человека, у которого можно узнать. Меня. Но нашли не просто так. Я сам позвонил и сообщил свои координаты. Почему сообщил? Это не интересно. Должен был обозначиться, не вечно же бегать от неизбежного. А именно вот в этот миг махнул флажками – не раньше и не позже! – потому что именно нужное время для махания и наступило. Факсовое. Все просто: я зашел в тот самый сервисный центр, куда отдал чиниться свой телефончик, там мне сказали, что "тесты неисправности не выявили", а я ответил, что "глюкнуло, наверное". Со мной согласились, так как я оплатил счет и кинул чаевых за оперативность и улыбки. А как только у меня аппарат заработал, я тут же позвонил по тому номеру, который должен был набрать еще три дня тому назад.

– Приятного аппетита, – сказала из двух выросших около моего столика фигур, самая тощая (кило девяносто восемь, навскидку). Вторая фигура промолчала (за центнер молчания вышло – порция уважительная).

– Что же вы это от нас бегаете-то? – вежливо поинтересовался самый главный в троице (ибо ума у него была больше по удельному весу, чем у остальных двух вместе взятых).

– Я обедаю. Какой уж тут бег. – Дохлебываю изумительно острую и гармоничную как по составу, так и по насыщенности специй солянку.

Четвертая фигура маячила не периферии. Я рад за периферию, не одной в девкой ходить.

– Есть предложение прокатиться до нашего офиса. Там и пообедаете.

– Шашлык знатный, может, останетесь, откушаете.

– С удовольствием, но некогда, – да, эти парни ждать не любят, они всё время куда-то торопятся и никогда не опаздывают на свои похороны.

Фигуры приблизились. Я сожрал шашлык глазами, что не смог сожрать, то понадкусывал, остальное отдал мухам и прочим летающим дирижаблям.

– Поспешим, – я скоренько почапал к выходу, но фигуры не отставали, такие из цепких лап чужие ягодицы не выпустят.

Вместе мы втекли в черную машину. Чпок – двери всосали нас. Длинный салон, кожа, окружающий мир сквозь затемненные стекла мельтешением не надоедает. Понеслись по улицам (но без мигалок – наверное, скромные). Точка "А" отскочила, точка "Б" обозначилась. Двери, охрана, проверка, лифт, двери, проверка...

И вот захожу в кабинет Берга. Кабинет скромный. Не очень большой. Не поражает антиквариатом и прочей лабудой. Не видно Кремля из окон. Нет и портрета президента на стене

(на лобном месте – за затылком хозяина апартаментов и на положенные вершки выше). Там нет и ничего другого портрета или картины, или экибаны, или макраме. Сажусь за довольно обычное кожаное седалище (до кресла не дотягивает, но и не стул). Не закидываю ногу на ногу – так кровообращению полегче будет. И внимательно слушаю.

– Мелкий, чего это та задумал? – ну, предположим, Берг такое обращение ко мне мог себе позволить, но зачем же сразу дистанцию обозначать, это же не по канонам бизнеса, а похвалить сначала?

– Ни в одном глазу. Я же не выдумщик.

– Тебе сказки надо сочинять. Ведьму какую-то приплел, – нос в меру орлиный, очки в меру эстетичные, глаза (о них попозже), прическа близка к идеальности, пожалуй, только кадык слишком выпирает (я как лиса – виноград куснуть не могу, но хоть про незрелость шпильку ляпну).

– Я не сказочник, – скоро этому кабинету надоест меня переваривать, он поймет, что пища не та, и меня выплюнет.

– В твоей биографии до недавних времен так и было в нужной графе указано. А сейчас и не поймешь. Тебя что-то не устраивает? – костюм сидит отлично, ботинок берговских мне не видно, но могу домыслить – блестят и черные.

– Всё меня устраивает. И все меня устраивают. Я вообще по жизни оптимист, – напрягаю нужные мышцы, улыбаюсь.

– Так зачем бегаешь, прячешься?

– От безысходности. Ведьма не звонит. А без нее серьезное решение принять не могу. Она будущее видит, – крупницы сыплются на нужные жернова, трение возрастает, процессы разбития реальности запускаются, чтобы родить другую реальность, которая мне позже пригодится. Чем больше раз я ведьму помяну – тем лучше мне будет потом (если вообще будет).

– Кто она вообще такая? Мы ее найти не смогли, – вот тут он признает бессилие даже своих архаровцев почти вездесущих (но ведь не боги).

– Ну так она же в будущем читает как в открытой книги. Трудно ее отыскать без ее желания. Правда, не всё ей доступно, а что доступно, то не всегда видно. Вероятно, накладка с видением моего конкретного будущего. Хотя о какой вероятности можно говорить, когда дело касается магии? – кидаю нелепый вопрос в никуда, Берг его пропускает мимо ушей с маленькими мочками. – Так могу и не жениться. Сам-то жену подобрать не в силах, всё сомневаюсь, вот на неё рассчитывал, но, видимо, не судьба.

– Станешь философом, – Берг откладывает папку, скорее всего, там моё дело.

– Может быть.

Берг закрывает глаза и откидывается на спинку кресла. Выдерживает паузу (или действительно о чем-то поразмыслил).

– Мелкий. Тебе дается шанс. Если у тебя есть повод отказаться, скажи сейчас. Мне бюрократия ни к чему. Подпишешь ты документы или нет – сие несущественно. Будущее будет сформировано сейчас. Ты согласен? – на меня направлена вертикальная ладонь, как будто нож режет хлебушек.

– Да, – вот так люди палачами собственной биографии и становится, но мурашки по спине не побежали, выдрессировал табуны сук.

– Если у тебя за пазухой вдруг окажется какой-то план, помимо генерального... – он вовремя остановился.

– Никаких собственных разработок, – честными глазами смотрю в холодные глаза делового человека. Оптика и искусственные стекляшки более человечны. Но это, конечно, лирика, нагнетания психологических страшилок. Глаза у Берга вполне человеческие. Живые, пока.

Далее мне объяснили генеральный план. И я стал-таки посвященным. Нимб только протирать нечем. Однако, как витиеваты пути бизнеса. Вот зачем серьезным людям связываться

с мелким злодеем в крупном деле? А оказывается нужен. Даже, я бы сказал, нужен. Просто я знаком с Бергом (когда-то вместе расписывали пульки, но потом он поднялся наверх, а я по-прежнему посещаю одну квартирку-карточный-притон по пятницам). И имею налаженный контакт с Генералом (вместе парились в бане и ездили на охоту, которая сводилась по большей части к той же бане). Знаком с депутатом Противовсеховым, так как его сын гонялся со мной по ночным улицам и я много раз привозил пьяного не в меру сынишку домой (сам был пьян в меру). И еще я спал с дочерью одного Олигарха, которая – слухи, наверное, слухи – чуть сменила ориентацию и на некоторое время вылечилась от наркоты (навсегда немногие вылечиваются). Я, можно сказать, почти стал зятем олигарха, но выбрал свободу. Всех этих людей должен был объединить план-схема, простенькая как два пальца в розетку засунуть. Одну подводную лодку с ракетами, у которых вышел срок годности (как, впрочем, и у лодки) перегоняем на один остров, разделенный государствами, находящимися в не очень теплых отношениях. Ракеты все равно никогда не взлетят, но этого и не требуется. Одной половине островитян нужны дополнительные понты. У меня ракета есть, а у тебя нет, гы, гы, гы. Подлодка – у Генерала. Олигарх нужен, чтобы не было проблем с ФСБ, потому что всегда можно сказать: "Родину разворовывают?!" И потребовать доли. А доля не должна быть большой. А у Олигарха в конторе мохнатая лапа. Депутат нужен, чтобы в схему не вцепились депутаты более жадные и не стали втыкать свои запросы, растиражированные прикормленными СМИшками, в колеса чистой коммерции (ну какая тут политика, подумаешь лодку старую подарили аборигенам, ну и что, а что ракеты забыли снять, так у них срок годности кончился еще при царе Горохе). Берг нужен, чтобы... наверное, чтобы всё работало. Потому что вариант – Берг не нужен... это вы сами пред его очами и выложите. А я просто думаю. Так зачем нужен мелкий злодей? А для связи. Такие люди будут совместно работать – что энциклопедия не горюй! У всех амбиции. Кто к кому первым позвонит, а? Вы думаете это мелочь, когда речь идет о Таких суммах? Вовсе нет. Кто под кем прогнется, это для России важно. Поэтому ни Генерал к депутату первым не позвонит, ни Берг Олигарху, ни в другой последовательности. То, что звонить могут и секретари, и секретари секретарей – сущности невозможности явления не меняет. Нужен рубаха парень, который всем в масть и одновременно мелочь пузатая, чтобы как бильярдный шар туда-сюда гонять. И тут умные аналитики выдали мою фамилию. Совпало так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.